

Сергей Анатольевич ГУБАНОВ¹

УДК 81.42

МЕТОНИМИЧЕСКИЙ И МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ЭПИТЕТ В ТЕКСТАХ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

¹ кандидат филологических наук,
доцент кафедры германских языков,
Международный институт рынка
gubanov5@rambler.ru

Аннотация

Статья посвящена одному из дискуссионных вопросов теории эпитета — соотношению метонимического и метафорического компонентов в семантике переносного прилагательного. Целью является описание авторских способов построения эпитетного ряда с учетом механизмов образования переносного эпитета. Материалом для текстологического анализа послужили произведения Марины Цветаевой 1916 г., когда автор уделяла особое внимание соматической лексике и метонимическим переносам названия признака. Основным методом анализа выступил метод контекстного анализа с опорой на семантический метод.

Отмечается, что метонимическая логика осмысления признака в контексте определяемого слова является базовой и первичной при построении образа, а метафорическая возникает на стадии восприятия образного определения. Обращается внимание на когнитивные основы переносов эпитета; усматривается роль видов метонимических переносов для вербализации авторского мировидения, а также для выражения базовых для поэта смыслов, концептов.

В ходе исследования получены результаты в виде статистических данных о продуктивности метонимии и метафоры эпитета в текстах Марины Цветаевой на основе сплошной выборки. По данным семантического анализа эпитетных единиц сделаны выводы о роли метонимии и метафоры в категоризации действительности в текстах автора.

Цитирование: Губанов С. А. Метонимический и метафорический эпитет в текстах Марины Цветаевой / С. А. Губанов // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. Том 2. № 2. С. 76-86.
DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-2-76-86

Результаты исследования могут в дальнейшем использоваться в качестве источника для уточнения понятия «метафтонимический эпитет».

Ключевые слова

Эпитет, Марина Цветаева, метонимия, метафора, образ.

DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-2-76-86

В настоящей статье предметом анализа выступают метонимические и метафорические способы построения и восприятия образа, выраженного эпитетом в составе эпитетного комплекса — сочетания эпитета и определяемого слова — в текстах Марины Цветаевой 1916 г. Именно в этот год она посещает Петербург, встречается со многими поэтами (О. Мандельштамом, А. Блоком, А. Ахматовой) и пишет циклы стихотворений, посвященные им. Так, в творчестве Цветаевой ярко проявляется антропоцентрическая составляющая поэтического лексикона, что находит свое выражение в «метонимической картине мира».

Эпитет и механизмы (метонимия и метафора) его образования в текстах произведений Цветаевой пока не становился объектом специального анализа лингвистов. Назовем некоторые исследования, косвенно примыкающие к названному. Так, М. В. Фокина в работе «Общеязыковые и индивидуально-авторские способы и средства выражения предиката (на материале текстов М. Цветаевой и Б. Пастернака)» рассматривает различные средства актуализации предикативного признака в цветаевских текстах: «Количественный анализ индивидуально-авторских способов и средств выражения предиката показал, что в текстах М. Цветаевой количество нетрадиционных предикатов составляет 13,8%, а наиболее часто используемыми средствами их выражения являются вещественные, овеществленные и абстрактные существительные в переносном значении, многокомпонентные конструкции, обращения и сравнительные обороты. Таким образом, идиостиль Цветаевой характеризуют грамматико-стилистический и образно-стилистикаческий способы выражения предикативного признака» [15, с. 20].

Средства выражения предикативного признака, относящиеся к образно-стилистикаческому способу, объединяет семантика эксплицитного или имплицитного сравнения (метафоричность). Так, контекстуально-обусловленные сравнительные конструкции, выражающие явное, открытое сравнение, обычно являются не членами предложения-высказывания, а его «осложнителями», однако, когда признак, заключенный в сравнении, становится важным, определяющим, у сравнительной конструкции появляется способность выполнять функцию предиката: «Не надо ее окликать / Ей оклик — что охлест. Ей зов / Твой — раною по рукоять» [15, с. 364]. Дискурсивно-стилистикаческий способ объединяет средства, предикатная роль которых во многом обусловлена особенностями их функционирования в тексте. Контекстуально-предидирующие эллиптические конструкции уже своим названием указывают на возможность выполнения предикатной функции только в определенном контексте. У Цветаевой: «Пастернак

и Лермонтов. Родные и врозь идущие, как два крыла / Я — глаза твои. Совиное / Око крыш» [2, с. 166].

В русле теории семантического апплицирования эпитет рассматривается как составляющая аппликативной метафоры. С. А. Ахмадеева в статьях о различных видах языкового апплицирования говорит о сложности и необходимости лингвистического анализа наследия Цветаевой [1, 2]. Слово в цветаевском тексте «живет» в неразрывном смысловом единстве с другими словами, «обрастая» новыми смыслами, обусловленными поэтическим мировосприятием автора. Эти смыслы проявляются не только в ближайшем словесном окружении, но и в контексте всего произведения — и шире — всего творчества Цветаевой, поскольку слово «концентрирует в себе личностные ценности, становится символом мировосприятия автора», привнося в высказывание имплицитные личностные смыслы, расширяющие его семантические рамки. Особенно пристальное внимание исследователей-лингвистов привлекают семантика и синтаксис поэтических произведений Цветаевой, представляющие смысловое целое. В основе всего стиля автора лежат личные переживания, ассоциации, отражающиеся в ряду других приемов — метафоризации, аппликации языковых единиц и, соответственно, их смыслов. Автор все языковые средства направляет на преобразование окружающего ее мира, на воссоздание его «по своему образу и подобию».

Говоря о семантическом сдвиге, А. И. Порошина выделяет продуктивный способ признакового апплицирования — наращение. Это такой семантический сдвиг, в результате которого апплицируемая единица сохраняет свое первичное значение, прибавляя к нему новые семантические оттенки: «Дачи пустующие! Как мать / Старую — так же чту их. / Это ведь действие — пустовать: / Полое не пустует» («Поэма Конца» М. И. Цветаевой) [11, с. 17]. Поверх привычного значения глагола «пустовать» автор накладывает смысл активного действия, подчеркивая не то, что субъект действия пассивен в момент речи, а то, что эта пассивность пришла на смену прежнему активному состоянию.

А. В. Громова исследует атрибутивные регулятивные структуры в творчестве Цветаевой, понимая под ними «различные по составу синтаксические конструкции с именами прилагательными, обладающие относительной смысловой законченностью, соотносительностью с одним художественным образом, актуализирующие в сознании читателя определенную макроцель автора» [3, с. 5]. Она делает вывод о том, что имена прилагательные максимально востребованы в лирике Цветаевой, и обычно являются регулятивной доминантой ключевых художественных образов в системе поэтических текстов, т. е. доминантным лексическим компонентом, значимым для формирования художественного микрообраза, актуализирующим его эстетический смысл и отражающим определенную микроцель автора. В связи с этим исследователь рассматривает прилагательное в составе тропеических атрибутивных регулятивных структур, среди которых представлены структуры эпитетного, метафорического и сравнительного типов.

Регулятивные структуры эпитетного типа представлены узуальными эпитетами, выполняющими номинативную функцию и выражающими нейтральную оценку («день весенний», «тайная радость»), узуальными эпитетами, отражающими высокую степень эмоциональной оценки («очаровательные франты», «восхитительные стихи») и индивидуально-авторскими эпитетами, репрезентирующими ярко выраженную субъективную оценку («тусклый час», «прелестный трус», «сухой и жидкий смех»).

В составе структур метафорического типа А. В. Громова говорит об авторских бинарных структурах («любовный голод»), где метафоричность формируется на основе переносного значения имени существительного, а адъектив является метафоризируемым компонентом, а также об авторских многокомпонентных структурах, основанных на метафорическом переносе («брезгливая грусть уст», «короткие крылья волос»): в их составе адъектив усиливает образ, уточняет характеристику реалии, является смысловым компонентом в формировании образа.

Для нашего исследования актуальна теория блендинга, лежащая в основе образования перенесенного эпитета метонимического типа, которую предложила Ф. Р. Кубаева в диссертации «Когнитивно-семантические характеристики перенесенного эпитета в английском языке» [10]. По мнению исследователя, перенесенный эпитет основан на особом варианте концептуального блендинга, своеобразии которого заключается в том, что в разных его вариантах субкатегоризация происходит на разных уровнях концепта, а механизм переноса значений работает за счет интерполяции признаков одного концепта в концептосфере другого или же через проецирование свойств одного фрагмента реальности на другой, смежный с ним, через временно создаваемый концепт («нежные руки», «грустное лицо»).

Исследованный ею материал показал, что практически все перенесенные эпитеты представлены адъективно-именными сочетаниями, которые состоят из атрибутов, свойственных одушевленным предметам, и существительных, обозначающих неодушевленные или абстрактные понятия. Перенесение же в ряде случаев свойств атрибутов, которые типичны для компонентов самых низких уровней концептуальной иерархии, и употребление их в качестве универсальных лежит в основе механизма перенесенного эпитета. Иными словами, происходит приписывание кросскаатегориальных свойств прилагательным, которые таковыми не являются. Но в перенесенном эпитете такие свойства только временно становятся кросскаатегориальными, т. е. происходит создание временного концепта с новыми свойствами. Это и является когнитивно-семантическим своеобразием перенесенного эпитета.

Метонимические же сдвиги, происходящие в таких словосочетаниях, создают мощный стилистический эффект на основе «якобы» получившейся несовместимости семантических наборов его компонентов. Это наложение признаков внутри одного концепта получило название блендинга: печальный нос (свойство печали, относящееся к концепту «человек») экстраполируется на но-

минацию части тела этого же концепта). Возникает временный образ, характерный только для механизма перенесенного эпитета: «Когнитивно-семантическая база перенесенного эпитета, основанная на концептуальном блендинге, предоставляет более широкие возможности для создания конвертированных стилистических кластеров, порождающих неординарно экспрессивные компоненты стилистического выдвигания. Перенесенный эпитет является, таким образом, синкретическим стилистическим приемом, возникающим в результате многоуровневого блендинга» [10, с. 19]. О схожем понятии дискурсивной метонимии пишут и некоторые другие ученые [12, 13, 14].

В ряде публикаций автора статьи проводится мысль о метонимической основе переносного эпитета М. Цветаевой [4, 5, 6, 7, 8, 9].

Суммарно было проанализировано 105 стихотворений Марины Цветаевой, написанных ею в 1916 г., а также подвергнуты семантическому описанию 364 единицы эпитетного типа. На фоне общего фактического материала (более 3000 поэтических контекстов и 5640 контекстов эпитетного типа) данный материал показателен в аспекте конструирования эпитетного слова.

Гипотеза исследования состоит в том, что в текстах Марины Цветаевой эпитет составляет центр высказывания, на него падает логическое и смысловое ударение, именно в нем сосредоточен поэтический образ. Данный образ имеет метонимическую основу, поскольку строится по антропоцентрической логике — происходит перенос признака, относящегося к человеку как к целому, на его часть (тела, души, состояния, проявления); лишь затем, на стадии восприятия образа, к метонимии присоединяется метафорическая часть образа, которая трактует его по линии «похожий на».

Так, в стихотворении «На завитки ресниц» эпитет занимает центральное место в высказывании:

*На завитки ресниц
Невинных и наглых,
На золотой загар
И на крупный рот, —
На весь этот страстный,
Мальчишеский, краткий век
Загляделся один человек
Ночью, в трамвае [16, с. 319].*

Эпитеты разной семантики — психологические, размера, формы — центрируют на себе внимание, но главное состоит в том, что они по своей природе антропоцентричны: метонимически соотносятся с концептом «человек» и имеют значение «проявление черты человеческого характера в конкретном облике/части тела человека». Невинный и наглый человек — невинные и наглые глаза — невинные и наглые завитки ресниц. Перед нами детализация метонимии средствами переносного эпитета; кроме того, обрисовка противоречивого характера человека, поскольку эпитеты контекстуально соседние, оксюморонного типа. Кроме того, Цветаева идет дальше и говорит в «антропоцентрической

логике» не только о человеке, но и о времени: век страстный, мальчишеский (безрассудный, рисковый), а потому краткий. Видеть в последних эпитетах метонимическую логику тяжелее, поэтому чаще их интерпретируют как метафорические. Однако наше убеждение состоит в том, что перед нами метафорический эпитет, т. к. он образован по той же логике, что и первые рассмотренные нами адъективы, но метонимия здесь оказывается дальше на один шаг: страстный человек-время — страстный век. Так рождается метафорический эффект от высказывания, но он имеет метонимическую природу.

Пронзительное по накалу чувств стихотворение «Никто ничего не отнял» также ставит в центр высказывания адъективное слово:

*Никто ничего не отнял!
Мне сладостно, что мы врозь.
Целую Вас — через сотни
Разъединяющих верст.*

*Я знаю, наш дар — неравен,
Мой голос впервые — тих.
Что вам, молодой Державин,
Мой невоспитанный стих!*

*На страшный полет крещу Вас:
Лети, молодой орел!
Ты солнце стерпел, не цурясь,
Юный ли взгляд мой тяжел?*

*Нежней и бесповоротней
Никто не глядел Вам вслед...
Целую Вас — через сотни
Разъединяющих лет [16, с. 252].*

Безусловно, выделение тире кратких адъективов и их положение в конце строки акцентируют на них особое внимание. Семантическая же логика вновь метонимическая: стих становится невоспитанным (несовершенным), словно это человек, а по сути — его продолжение; взгляд юный и тяжелый (узуальное, уже не образное употребление, но антонимическое, а потому эмоциональное). Союз «и» становится средством объединения противоположных признаков: нежный взгляд превращается в бесповоротный (страстный); кажущаяся противоречивость оборачивается синонимией силы чувств героини.

Каждое прилагательное — эмоциональный эпитет:

*Ты, мерящий меня по дням,
Со мною, жаркой и бездомной,
По распаленным площадям —
Шатался — под луной огромной?*

*И в зачумленном кабаке,
Под визг неистового вальса,
Ломал ли в пьяном кулаке
Мои пронзительные пальцы?*

*Каким я голосом во сне
Шепчу — слышал? — О, дым и пепел! —
Что можешь знать ты обо мне,
Раз ты со мной не спал и не пил? [16, с. 328]*

Концепт «рука» и эпитеты при имени этого концепта особенно частотны в текстах Цветаевой того времени: рука пьяная, незрячая, сонная и т. д. (более 120 употреблений). Наложение нескольких смыслов организовано по единой логике: рука — проявление деятельной жизни человека, но она может выражать не только действия, но и состояния личности, что не характерно в речи, отсюда рождается метафорический эффект (пьяная рука).

Статистические данные говорят о лидирующих позициях в текстах М. Цветаевой безотносительно периода творчества таких концептов при эпитетах, как рука (658 употреблений антропоморфных эпитетов при имени концепта), глаза (577), губы (388), любовь (155) [4, 6, 9]. Эпитеты эмоциональной и психологической сферы также чаще всего сочетаются с данными концептами: печальный (780 употреблений эпитета с именами концептополя «человек»), грустный (202), сонный (89) и т. д. Концепты других сфер (артефактов, природы) в несколько раз уступают по употребительности антропоморфным концептам и эпитетам.

В стихотворении «Целую червонные листья» Цветаева следует той же логике образования эпитетов:

*Целую червонные листья и сонные рты,
Летящие листья и спящие рты.
— Я в мире иной не искала корысти. —
Спите, спящие рты,
Летите, летящие листья! [16, с. 323]*

Тавтологические эпитеты призваны усилить призывную логику поэта; вновь метонимические соотношения выходят на первый план: душа летит во сне, и листья кружатся на ветру.

Так, в рамках текстов М. Цветаевой 1916 г. показано, что антропоцентрическая логика сочетаемости эпитета и субстантива эпитетного ряда является преобладающей. Кроме того, метонимия выступает «пусковым механизмом» при построении образа средствами эпитета, метафора же подкрепляет этот образ на более поздней стадии его восприятия. Блендирование, наложение кросскаатегориальных признаков происходит вполне органично, поскольку автор действует в смежных, семантически близких денотативных сферах. Свежие и необычные эпитеты как раз демонстрируют метафорическую логику, но поскольку метонимия является первой ступенью их образования, предлагаем называть такие эпитеты метафтонимическими.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахмадеева С. А. Аппликативная метафора в актуализирующей прозе («Мой Пушкин» М. Цветаевой) / С. А. Ахмадеева // А. С. Пушкин и М. И. Цветаева: Седьмая цветаяевская международная научно-тематическая конференция (9-11 октября 1999 года). М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2000. С. 59-74.
2. Ахмадеева С. А. Аппликативная метафора: структура, морфолого-семантические и коммуникативно-прагматические особенности функционирования в языковом и речевом аспекта: дис. канд. филол. наук / С. А. Ахмадеева. Краснодар, 1999. 233 с.
3. Громова А. В. Регулятивный потенциал прилагательных в поэтическом дискурсе М. Цветаевой: автореф. дис. канд. филол. наук / А. В. Громова. Томск, 2010. 28 с.
4. Губанов С. А. Адъективная метонимия в художественном тексте (на материале творчества М. И. Цветаевой) / С. А. Губанов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2012. № 1(16). С. 33-40.
5. Губанов С. А. Блочный эпитет в творчестве М. Цветаевой / С. А. Губанов // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 388. С. 6-9.
6. Губанов С. А. Метонимический эпитет и его функционирование в цветаяевском идиолекте / С. А. Губанов // Филология и человек. 2012. № 4. С. 125-131.
7. Губанов С. А. О природе перенесенного эпитета / С. А. Губанов // Концептуальные проблемы литературы: художественная когнитивность: материалы V Международной научной заочной конференции. Ростов н/Д.: ИПО ПИ ЮФУ, 2011. С. 28-30.
8. Губанов С. А. Сложный эпитет в идиолекте М. Цветаевой: лингвистика смысла / С. А. Губанов // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 385. С. 5-8.
9. Губанов С. А. Эпитет и его семантические особенности в творчестве Марины Цветаевой / С. А. Губанов. Самара: САГМУ, 2015. 252 с.
10. Кубаева Ф. Р. Когнитивно-семантические характеристики перенесенного эпитета в английском языке: автореф. дис. канд. филол. наук / Ф. Р. Кубаева. 2009. 244 с.
11. Порошина А. И. Семантическая аппликация в поэтических текстах М. И. Цветаевой: структура, семантика, функции: автореф. дис. канд. филол. наук / А. И. Порошина. Челябинск, 2009. 23 с.
12. Раевская О. В. О некоторых типах дискурсивной метонимии / О. В. Раевская // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58. № 2. С. 3-12.
13. Сандакова М. В. Метонимия прилагательного в русском языке: монография / М. В. Сандакова. Киров: ВятГУ, 2004. 344 с.
14. Сандакова М. В. Об одной метонимической модели прилагательных, характеризующих лицо / М. В. Сандакова // Семантика. Функционирование. Текст: Межвузовский сборник научных трудов. Киров: Изд-во Кировского университета, 1999. С. 45-50.
15. Фокина М. В. Общезыковые и индивидуально-авторские способы и средства выражения предиката: на материале текстов М. И. Цветаевой и Б. Л. Пастернака: автореф. дис. канд. филол. наук / М. В. Фокина. Саратов, 2006. 24 с.
16. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 томах / М. И. Цветаева. М.: Эллис-Лак, 1994. Том 1. 640 с.

Sergey A. GUBANOV¹

METONYMIC AND METAPHORICAL EPITHET IN THE WORKS OF MARINA TSVETAeva

¹ Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor,
International Market Institute
gubanov5@rambler.ru

Abstract

The article is devoted to a debatable issue in the theory of an epithet, namely to the ratio of a metonymic and metaphorical component in the semantics of an adjective with a figurative meaning. The aim of the research is to describe a number of ways to create epithets basing on the mechanisms of creating epithets with figurative meaning. The textual analysis was conducted using the works of Marina Tsvetaeva (1916), when the author paid special attention to somatic vocabulary and metonymic shifts in the names of attributes. The main method of analysis was the contextual analysis based on the semantic method. It is noted that metonymic logics of understanding an attribute in the context of the modified word is the basic and primary in constructing an image whereas metaphorical logics occurs at the stage of perceiving the figurative definition. The author of the article considers cognitive foundations of epithet shifts and the role of metonymic shifts for verbalizing the author's worldview, as well as for expressing basic concepts of the poet. Continuous sampling analysis enabled the author of the article to reveal the statistical data on the productivity of metonymic and metaphoric epithets in Marina Tsvetaeva's poetry. Semantic analysis of epithets was employed to identify the role of metonymy and metaphor in the categorization of reality in Marina Tsvetaeva's poetry. The results of the research can later be used as a source to clarify the concept of "a metaphonymical epithet".

Keywords

Epithet, Marina Tsvetaeva, metonymy, metaphor, image.

DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-2-76-86

Citation: Gubanov S. A. 2016. "Metonymic and Metaphorical Epithet in the Works of Marina Tsvetaeva." Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 2, no 2, pp. 76-86.

DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-2-76-86

REFERENCES

1. Akhmadeeva S. A. 1999. "Applikativnaya metafora: struktura, morfologo-semanticheskie i kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti funkcionirovaniya v yazykovom i rechevom aspektakh" [Applicative Metaphor: the Structure, Morphological and Semantic, Communicative-pragmatic Features of Functioning in Speech and Language]. Cand. Sci. (Philol.) diss. abstr., Krasnodar.
2. Akhmadeeva S. A. 2000. "Applikativnaya metafora v aktualiziruyushhey proze ("Moy Pushkin" M. Tsvetaevoy)" [Applicative metaphor in Actualizing Prose ("My Pushkin" by M. Tsvetaeva)]. In: Proceedings of the 7th International Scientific Thematic Conference "A. S. Pushkin i M. I. Tsvetaeva" (October 9-11, 1999), pp. 59-74. Moscow: Dom-muzeey Marina Tsvetaevoy.
3. Fokina M. V. 2006. "Obshcheyazykovye i individualno-avtorskie sposoby i sredstva vyrazheniya predikata: na materiale tekstov M. I. Tsvetaevoy i B. L. Pasternaka" [Common Language and Individual Author's Ways and means to Express a Predicate: on the Material of Texts by M. I. Tsvetaeva and Boris Pasternak]. Cand. Sci. (Philol.) diss. abstr., Saratov.
4. Gromova A. V. 2010. "Regulyativnyy potencial prilagatelnykh v poeticheskom diskurse M. Tsvetaevoy" [Regulatory Capacity of Adjectives in Poetic Discourse of M. Tsvetaeva]. Cand. Sci. (Philol.) diss. abstr., Tomsk State Pedagogical University.
5. Gubanov S. A. 2011. "O prirode perenesennogo epiteta" [On the Nature of a Transferred Epithet]. Proceedings of the 5th International Scientific Correspondence Conference "Konceptualnye problemy literatury: hudozhestvennaya kognitivnost," pp. 28-30. Rostov-on-Don: IEP PI SFU.
6. Gubanov S. A. 2012. "Adyektivnaya metonimiya v hudozhestvennom tekste (na materiale tvorchestva M. I. Tsvetaevoy)" [Adjective Metonymy in the Artistic Discourse (in the Idiolect of M. I. Tsvetaeva)]. Surgut State Pedagogical University Bulletin, no 1(16), pp. 33-40.
7. Gubanov S. A. 2012. "Metonimicheskiy epitet i ego funkcionirovanie v cvetaevskom idiolekte" [Metonymic Epithet and Its Functioning in Tsvetaeva's Idiolect]. The Philology and a Person Academic Journal, no 4, pp. 125-131.
8. Gubanov S. A. 2014. "Blochnyy epitet v tvorchestve M. Tsvetaevoy" [The Block Epithet in the Works of Marina Tsvetaeva]. Tomsk State University Journal, no 388, pp. 6-9.
9. Gubanov S. A. 2014. "Slozhnyy epitet v idiolekte M. Tsvetaevoy: lingvistika smysla" [Complex Epithet in Tsvetaeva's Idiolect: Linguistics of Sense]. Tomsk State University Journal, no 385, pp. 5-8.
10. Gubanov S. A. 2015. Epitet i ego semanticheskie osobennosti v tvorchestve Mariny Tsvetaevoy [Epithet and Its Semantic Features in the Works of Marina Tsvetaeva]. Samara: Samara Academy of State and Municipal Management.
11. Kubaeva F. R. 2009. "Kognitivno-semanticheskie harakteristiki perenesennogo epiteta v angliyskom yazyke" [Cognitive-semantic Characteristics of a Transferred Epithet in English]. Cand. Sci. (Philol.) diss. abstr., Pyatigorsk State Linguistic University.
12. Poroshina A. I. 2009. "Semanticheskaya aplikaciya v poyeticheskikh tekstah M. I. Tsvetaevoy: struktura, semantika, funktsii" [Semantic Application in M. I. Tsvetaeva's Poetic Texts: Structure, Semantics, Functions]. Cand. Sci. (Philol.) diss. abstr., Chelyabinsk State Pedagogical University.

13. Raevskaya O. V. 1999. "O nekotoryh tipah diskursivnoy metonimii" [On Some Types of Discursive Metonymy]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, vol. 58, no 2, pp. 3-12.
14. Sandakova M. V. 2004. *Metonimiya prilagatel'nogo v russkom yazyke. Monografiya* [Metonymy of an adjective in Russian. A monograph]. Kirov: Vyatka State University of Humanities.
15. Sandakova M. V. 1999. "Ob odnoy metonimicheskoy modeli prilagatel'nyh, harakterizuyushhih lico" [On a Metonymic Model of Adjectives Describing a Person]. In: *Semantika. Funkcionirovanie. Tekst: Mezhvuzovskiy sbornik nauchnyh trudov*, pp. 45-50. Kirov: Kirov University.
16. Tsvetaeva M. I. 1994. *Sobranie sochineniy: v 7 tomah* [Collected Works: in 7 volumes], vol. 1. Moscow: Ellis Lak.